

Папашкино отродье

Мамка моя вышла замуж не по любви. Просто все шло, и она пошла. И после свадьбы четыре месяца оставалась девочкой – не подпускала мужа к телу, и всё. Потом-таки допустила со скрипом, потому что все детей заводили, и она меня завела. Положено же...

С моим отцом им не пожилось – насильно мил не будешь. Он, дождавшись, когда мамка со мной уехала на две недели в дом отдыха по профсоюзной путёвке, собрал вещи, какие под руку попались, а попалась ему под руку не только своя одежда, но и дедова, включая новое исподнее, и, ни с кем не попрощавшись, уехал домой в Москву. Мамка подала на развод. На бракоразводном процессе судья спросила о причине развода – мать сказала: «Он мне морально и физически противен». Их развели. Чтобы не платить на меня алименты, отец переезжал с места на место, даже в строительстве БАМа участие принял. Больше я его никогда не видела, да и не скучала по нему.

Помню только, как он возил меня на коляске, срывал мне по дороге малину из чужих палисадников... Да мамка частенько в сердцах бросала: «У, папашкино отродье, ублюдок!» Вот и вся память об отце. Им-то с мамкой хорошо, развелись и всё, а мне дальше жить.

У других были отцы... Они приезжали на мотоциклах или приходили пешком, были трезвые или пьяные, добрые или злые, но они БЫЛИ. Потом у меня появился отчим. Он был нормальный, брал меня с собой в гараж, на рыбалку и по грибы. С зарплаты покупал мне обновки. Мать говорила, чтобы я называла его папой, а у меня это слово почему-то не выговаривалось. Потом родился Лёшка. Мне уже было почти восемь лет. Я сразу стала большой, мной перестали заниматься. То есть, рыбалка, гараж и грибы остались, но всё родительское внимание и обновки доставались Лёшке. Я его любила и не ревновала мать к нему. Когда он стал подрастать, я сажала его на спину и отправлялась за грибами или ягодами, купалась с ним в реке, учила его плавать. Однажды, усадив его с ведёрком и совком к другой малышне на песок у воды, я с мальчишками ныряла с понтона. Вдруг слышу крик: «Танька, твой брат утонул!» Оказалось, что он забрался вслед за мной на понтон и прыгнул,

но в воде не сориентировался и вынырнул в другую сторону, как раз под сам понтон. Я нырнула и стала искать его в мутной, взбаламученной купальщиками воде. Видно было плохо, воздуха уже не хватало... И вдруг у самого лица я увидела Лёшкину ногу. Схватила его за ногу и вытащила из воды. Держа брата поперёк туловища, я трясла его изо всех сил, а из него текла вода. Вдруг он заорал. Я выпустила его из рук и плюхнулась задом на песок. Мы вдвоём сидели у воды и ревели. Подошли перепуганные мальчишки.

– Ну что, жив?

– Не видите – орёт, значит, жив! А кто родителям расскажет, тот предатель и ябеда!

– Да больно надо! – и пацаны убежали дальше прыгать с понтона.

Лёшка всё ещё выл, пуская сопли пузырями. Я взяла его за шкварник, умыла тут же у берега и повела домой, по дороге страшая:

– А вот родители узнают, что ты с понтона прыгнул, и до самого конца лета тебя дома запрут! И ремня ещё дадут!..

– Не надо ремня!

– А ты чо думал, тебе мешок конфет и велосипед купят за то, что ты меня не слушаешься и с понтона прыгаешь?

– Я буду слушаться! Не буду больше прыгать! – собирался снова зареветь Лёшка.

– Ну-ка хватит нюнить! Если будешь слушаться, так и быть, не скажу родителям!

– Буду! Таня, не говори только! Не хочу ремня!

– Ладно! Но помни, что ты обещал! Лёшка-вошка! – обрадовалась я тому, что, как-жись, пронесло. Я-то понимала, что попало бы по-любому не братцу-любимчику, а мне-отродью. Ну как же: я же теперь старшая, значит, с меня и спрос.

Потом мать с отчимом стали ругаться всё чаще, потом он пробил ей голову тяжёлой зимней удочкой, и они развелись. Через некоторое время появился другой отчим. Он был отцом-одиночкой, тощим, вечноголодным, жил с пятилетним сыном в съёмной хибаре с дымящей печкой. Они перебрались к нам, и у меня стало два брата. Мне шёл двенадцатый год. У меня была только одна подружка Ленка, у неё был отец, периодически лупивший её ремнём, и пианино. Когда я увидела это чудо, у меня в зобу дыханье спёрло. Я смотрела на Ленкины руки, которыми она играла «Полонез Огинского», и не дышала. Ленка училась в музыкальной школе три раза в неделю. Я стала ходить с ней и слушать под окном, как она играет гаммы и этюды – в любую погоду по полтора часа простаивала под окном. Когда я заикнулась дома, что тоже хочу учиться музыке, мать на меня посмотрела, как солдат на вошь: «Ишь, музыкантша выискалась! Щаззз в магазин за пианином сбегая!» Учёба в музыкалке была платной – 5 рублей в месяц, да ещё надо было иметь дома инструмент. Так и накрылась моя серебристая, как полонез Огинского, мечта большим медным тазом.

В школе училась я плоховато, учителя не любили неопрятную девчонку в мятой форме и купленных на хороший вырост ботах, больше похожую на пацана в платье. И поведение у меня было пацанским – драки, футбол-хоккей, рыбалка, воровство яблок в садах... Сбросив ненавистную колючую форму и закинув расхристанный портфель в угол, в любую погоду уходила в лес, в поле, на реку. Там я чувствовала себя человеком. Подставляла лицо солнцу или дождю, дышала влажным лесным воздухом, собирала травы, ягоды,

грибы и бутылки. Нет, вообще-то дома меня кормили. Но, не успевала я сесть за стол, мать начинала читать нотации: не так сижую, не так ем, не такая походка, взгляд исподлобья, ухмылка дебильная, и вообще, другие-то девочки аккуратные, красивые, тетради у них чистые, почерк каллиграфический... А я родилась левшой, мать сама меня переучивала, орала да по рукам била, если я ложку или карандаш левой рукой брала, вот и переучила – «и от ворон она отстала, и к павам так и не пристала» – теперь я ни правой, ни левой красиво писать не могла. Мать постоянно приводила мне в пример одноклассниц и соседок по дому: даже черты лица у них мелкие, правильные, а у меня, оказывается, и рот большой, и глаза пустые. Так и звала: «Пустушка ты! Пустельга! За что мне такая дочь досталась, папашкино отродье!». Вот я и удирала из дому, иногда захватывала с собой что-нибудь перекусить, иногда собирала бутылки, мыла их в ручье, сдавала в магазин и покупала поесть. Уходила в лес, садилась у ручья, представляя себя то русалкой, то лесной принцессой, то ведьмой, хорошо сиделось, пока не надо было возвращаться домой...

Жизнь тоже встречает по одежке

Со мной во дворе никто не дружил. Потому что все девочки как девочки, аккуратно и нарядно одетые, в красивых туфельках, с бантиками, а я была вечно мягкая-лохматая, в спущенных колготках и обутках, купленных «на вырост», у которых от своей непоразмерности носы задирались кверху, как у клоунских ботинок. Да ещё и играть нормально не умела! В игре же надо правила соблюдать, меня позовут играть, а я зависаю и спрашиваю: «А это – почему, а то – зачем, а так – почему нельзя?». Девочки меня брезгливо сторонились, а мальчишки так и норовили то камнем кинуть, то в грязь толкнуть. Ну, не нарядных и чистеньких девочек же в грязь толкать! У тех сразу отец выйдет и так всечёт, что мало не покажется, да ещё к родителям за ухо оттащит. А за меня ничего не будет, у меня и отца нет. Пришлось мне самой учиться защищаться. Однажды зимой здоровенный Димка из шестого подъезда, занимавшийся в хоккейной секции, сначала кидал шайбу о бортик песочницы, потом ему это наскучило и он с размаху стукнул клюшкой меня, катавшуюся рядом на горке, по голове. Это было не просто больно. Казалось, что голова лопнула и разлетелась на мелкие осколки. Из носа потекла кровь. Я провела заскорузлой от снега варежкой по подбородку, увидела мгновенно окрасившиеся алым ледышки на варежке, вскочила, выхватила у Димки клюшку и стала методично, словно выбивая ковер, опускать клюшку на Димку. Он сначала визжал, как испуганный поросёнок, затем съёжился и попытался отползти. Удары сыпались на него размеренно и неотвратимо. Если бы не выскокившая из подъезда в атласном халате и тапочках на босу ногу его мать, я бы забила Димку. Женщина с криком выхватила клюшку и замахнулась ей на меня с высоты своего роста.

– Ну-ну, давай-ка, стукни! А я тебя этой же клюшкой отдубашу! – к нам уже бежала моя бабушка, возвращавшаяся из магазина с авоськами и бросившая их на снег.

– Да от вашей debilки всему двору жизни нет, только носится, как угорелая, и орёт дурниной, у меня от её воплей голова раскалывается!

– А она сейчас в крови от чьих воплей?
– Эта дрянь моего ребёнка чуть насмерть клюшкой не забила!
– Да сама видела, он её первый стукнул, добежать только не успела! Молодец, она сама ему сдачи дала!

– Я свожу ребёнка к судмедэксперту! И если она его покалечила, поедет или в дурку, или в колонию!

– Давай, давай! Мы тоже на вас заявление подадим! Баре какие выискались, их дылду-сыночка пальцем не тронь, а они будут бить всех в кровь безнаказанно!

Димка в самом деле был намного выше ростом и года на два старше меня.

Бабушка подхватила одной рукой меня, другой подняла свои авоськи и, плюнув вслед Димке и его матери, пошла домой.

Сняв с моей бедной башки цигейковую шапку на резинке, она увидела здоровенную шишку.

– Это ж как надо ударить по голове, с какой силой, чтобы даже через зимнюю шапку такая шишка получилась! – кипела она, смывая с моего лица кровь, затем прикладывая к шишке полиэтиленовый мешок с набранным на балконе снегом. – Ты что голову-то подставляешь, он же тебя убить мог, здоровенный лоб!

– Я с горки каталась... А он подошёл и сразу стукнул. Неожиданно... Я не дразнилась, вообще ничего не говорила, честно!

– Ну семейка! Конечно, он – начальник, она – главный бухгалтер, им всё можно! Лежи пока, держи холод на ушибе. А что дачи сдала – правильно! Нельзя себя в обиду давать!

– Так он большой... И стукнул неожиданно...

– Не должно быть никаких «неожиданно». К таким нельзя спиной поворачиваться. А что большой – так зато трусливый. Только и может маленьких обижать! Ты его отлупила, а за него мамка заступаться выскочила! Срамота!

– Баба, у нас ёлка в школе скоро, костюм надо делать.

– Какой ещё костюм! Ей чуть башку не снесли, а она ещё про костюмы мне тут будет... – и бабушка, ворча, пошла на кухню.

– Как какой! Карнавальный! Нам же призы за костюмы давать будут!

– Не вам, а детям учителей, начальства и класным подхалимам!

– А вдруг мне Дед Мороз куклу подарит за костюм?

– Ага, щас! Даже две одинаковых! Лежи, сказала! И лёд держи. А я пойду ужин готовить. Потом, с костюмом-то...

Новый год

В Деда Мороза я перестала верить с тех пор, как начала получать на Новый год в подарок реиузы. Потому что какой-такой долбанутый Дед Мороз принесёт в подарок не коньки, не куклу, не книжку или, на худой конец, карандаши, а реиуууззззыы?! Посмотреть бы на его раздолбайскую морду! На фиг нужен такой Дед Мороз! Пусть повесится на резинках от этих реиузов!

А Новый год всё равно ждала. Во-первых, две недели каникул! Не ходить в ненавистную до скрипа зубов школу – это само по себе дикая радость. Потом – ёлка! Это возможность придумать себе маскарадный костюм, прийти в школу не в мерзкой колючей форме цвета коровьих лепёшек, а в чём-то весёленьком. Ой, только не надо мальчиков-зайчиков и девочек-снежинок, это мы ещё в ясельках проходили! Мушкетёры, пираты, волшебники, Кот в сапогах, Кот Базилио с Лисой Алисой, Буратино, Чёрт, Солоха, Электроник и Илья Муромец... За лучший костюм полагался приз. Кому кукла, кому медведь или конструктор... Хотелось... Костюм придумывался заранее, держался в секрете и требовал напряжённой работы мозга, чтобы не явились на ёлку толпы Буратин или стаи Котов в сапогах. Девчонки хотели выставляться в длинных пышных платьях, с причёсками и накрашенные, чего, естественно, в будние дни не позволялось. Появлялись Принцессы на горошине, Ночки, Снежные королевы... Вовсю помогали родители...

Когда я просила мамашу помочь мне с костюмом, она всегда, вызверившись, рывкала: «Щаззз, всё брошу и буду фигнёй заниматься! Иди к бабушке!». Я шла к бабушке. Мы с ней вываливали из кладовки гору тряпья, пытались что-то скулёмать, настроение в процессе этого занятия портилось, но, в конце концов, что-то да получалось. Ну и пусть у цыганки юбка из бабушкиного халата, а на ногах клетчатые домашние тапки, зато настоящий чёрный шиньон, бусы, серьги, кольца и браслеты, а на бёдрах настоящим цыганским узлом повязана цветастая шаль, выдернутая из-под телевизора. Взглянув в зеркало, я остаюсь довольна... И вот – бал-маскарад, конфетти, серпантин, ёлка в блеске, все в костюмах... Дед Мороз со Снегурочкой, всем весело, смех, хороводы, «В лесу родилась елочка»... А у меня вдруг портится настроение. Это у меня ещё с ясельного возраста. Когда все веселятся, мне почему-то реветь хочется. Хронически. И ничего с собой поделать не могу... А вот и конкурс костюмов! Все костюмированные становятся в круг, идут хороводом вокруг ёлки, а Дед Мороз (трудолик-пьяница) стоит и посохом в пол долбит. Можно подумать, разбежался этот сизоносый мне подарки вручать! Вот дочке завуча, вот отличнику, вот старосте-ябеде, вот учительской дочке... А мне, троечнице-драчунье, безотцовщине – хренушки! А я-то, дура стоеросовая, опять надеялась, будто и не зарекалась прошлый год костюм готовить! Ну, нафига, знала ведь, что всё равно не будет лучшим. Правильно, кто-то даже специально ткань покупал, у Ленки мать – швея, у Наташки – на базе работает, вон, какие туфельки своей Золушке купила! А мне, оборванке, только цыганкой и наряжаться. Хотя, костюм-то ничо получился. Да ну его, этот приз. Переживу, не маленькая уже, одиннадцать лет. А плясать у ёлочки вот точно не хочется, вытекаю из зала и забираюсь под лестницу, где технички держат швабры и вёдра. Из зала доносится музыка и взрывы смеха – наверно, опять какой-нибудь дурацкий конкурс: все вытягивают ручки, чтобы Дед Мороз их «заморозил», тогда «замороженный» должен прочесть стишок, спеть или сплясать. За конфетку. Фигвам! Мне и тут неплохо. Дождусь, когда закончится веселуха, получу подарок, да домой... Подарок, блин... Деньги все поровну сдавали, закупали Наташкина и Ларискина матери, они же и раскладывали по мешочкам. Да только за пару дней до ёлки у Наташки высыпал диатез, а у Лариски разболелись зубы – облопались

общими конфетами... А поддатый Дед Мороз со Снегурочкой-вожатой всё веселят одноклассников, и конца-краю этой дребедени не видно...

...Проснулась от того, что кто-то трясет меня за плечо: «Вот, лешачиха, напугала-то! Ишь, забралась куда! Меня чуть кондратий не хватил, а она тута дрыхнет!» – техничка полезла за шваброй, убрать после ёлки, и не ожидала, что под лестницей кто-то есть. Да ещё в цыганских лохмотьях! А я чо, специально, что ли, заснула? Думала, веселуху пересяжу и вылезу.

Класс уже заперт, все ушли по домам. И подарок мой тоже заперли. Вот, все сейчас дома конфеты да мандарины лопают, а я-то своё когда получу? И получу ли? Может, кто-то в суматохе и моё подтибрил. Переодеваюсь и ползу домой. От злости на весь мир сопли текут. Все ревут слезами, а я – соплями, и тут не как у людей. У подъезда останавливаюсь и со всего маху пинаю сугроб, представляя, что это – задница моего страшного врага Щепочкина, недавно он воткнул мне циркуль в спину. Становится легче. Вхожу домой, бабушка спрашивает: «Ну, как ёлка? Дали приз за костюм?» Отвечаю фальшиво-бодрым тоном: «Ёлка-как-ёлка!»

Мой подарок пролежал в запертом классе до конца каникул. Мандарины стали замшево-зелёными с оттенком морской волны, а шоколадные конфеты покрылись седым налётом...

А домой Дед Мороз, как обычно, принёс отвратные грязно-голубые рейтузы с отвислым задом. Вот и весь праздник.

Воровка

Я не умела петь. И танцевать тоже. Бывает так, просто – не дано и всё. Да и с координацией движений у меня было не очень. Неловкая, нескладная и потому стеснительная. Однажды на уроке пения учительница мне сказала встать и пропеть куплет песни, которую учили в этот момент в классе, я встала, но не смогла открыть рот. Точнее, рот я несколько раз открывала, но из него не раздавалось ни звука. Молодая учительница, пухленькая кудрявая блондиночка, одетая как куколка, покраснела от злости и буквально заорала дурниной:

– Ты на уроке только в окно пялиться можешь да в облаках витать! Это неуважение к учителю! Не смей молчать, пой сейчас же! – и она долбанула указкой по столу так, что указка из оргстекла рассыпалась на кусочки и они, как упавшие с крыши сосульки, со звоном покатались по полу.

Я, закрыв от ужаса глаза и сцепив руки так, что ногти впились в ладони, тоненько заблелела, не попадая ни в одну ноту:

– Ветер устал кипарисам шептать: «Спать, спать, спать...»

В классе раздалось дикое ржание.

– Да ты издеваешься! Дрянь!!! Вон!!! Пошла вон!!! – визжала куколка и долбасила по столу классным журналом. Лицо учительницы пения стало алого цвета с белыми пятнами, кудряшки встали дыбом, казалось, что у неё глаза лопнут от злости и кровь брызнет. Я схватила портфель и кинулась из класса, тяжёлый классный журнал просвистел в паре сантиметров от головы и врезался в дверь. Я убежала в раздевалку, забила в самый тёмный угол

под кучи пальто и затаилась. Меня всю трясло, плакать я не могла, просто сидела в темноте, обхватив голову руками, пока не прозвенел звонок на перемену, потом на следующий урок, а я всё сидела, держась за голову. И вдруг почувствовала, что рядом кто-то есть. В темноте кто-то дышал совсем рядом и копошился в висящих по нескольку штук на одном крючке пальто и куртках, я замерла от страха – кто-то шарился в чужих карманах, поняла я с ужасом и вдруг почувствовала на своём лице чью-то руку. Рука начала ощупывать меня, а я от страха даже заорать не смогла, и вдруг вспыхнул свет, раздался топот. И голос:

– Я поймал воровку! – и та же рука, которая ощупывала моё лицо, схватила меня за волосы и куда-то потащила.

Ослеплённая внезапно вспыхнувшим светом и страхом, я даже не могла сопротивляться, не понимая, что происходит. А меня с радостными криками и пинками волокли в кабинет директора.

– Владимир Александрович, мы воровку поймали! Карманницу!

Я, оглушённая и не понимающая, что происходит, получив тычок кулаком в спину от здорового девятиклассника, пролетела по директорскому кабинету и, ударившись об угол стола, свалилась на пол.

– Это кто тут самоуправством занимается? Зачем руки распускаешь, Васильев? Сейчас милицию вызовем и будем разбираться. А ты чего на полу валяешься? Ну-ка быстро встала, поздоровалась, в глаза мне посмотрела!

Я встала, держась за край стола. Голова кружилась, перед глазами всё плыло.

– Как фамилия?

– Сергеева.

– Давно щипачеством занимаешься?

Я непонимающе уставилась на директора.

– Давно, говорю, по карманам у товарищей шарить?

– Нет...

– Что – «нет»? Недавно начала?

– Я не шарю.

– Да тебя же за руку поймали! Можно сказать, на горячем взяли! И ты ещё отпираться будешь???

– Я не шарила!

– А что ты тогда там делала? Книжки читала? В темноте? Отвечай!

– Я не шарила! Я не шарила! Я не шарила!!! – кричала я, и не могла остановиться, пока что-то в голове не лопнуло, и всё завертелось водоворотом и погрузилось в кромешную темноту. И меня уносило куда-то по спирали, вокруг было темно, но я почему-то точно знала, что впереди ждёт свет и там не будет этой ужасной школы, не будет пинков и ударов портфелями по голове, там всё будет хорошо...

...А в это время побледневший директор, выгнав всех из кабинета, звонил в «скорую», затем объяснял приехавшей пожилой докторше, что девочка ни с того ни с сего упала в обморок...

– Ну да, я вижу, что ни с того и ни с сего... Только у неё вся форма испинана ногами, одна косичка почти вырвана, а если девочку раздеть, то явно и другие следы побоев обнаружатся, – пытаюсь привести меня, лежащую на полу, в чувство, говорила врач. – Нет, надо везти в больницу, видимо, сотрясение... и пульс слабый... на гипотонический криз похоже... – она сходила за водителем с носилками, вдвоём они уложили меня на них и унесли в машину...

У меня было ощущение, что я с лёту натолкнулась на какую-то невидимую стену. Я вдруг только-только после полёта по тёмному тоннелю увидела яркий свет и зажмурилась. Потом открыла глаза. Надо мной качался белый потолок. И сама я качалась, словно на волнах, сразу затошнило и я снова закрыла глаза. Но ощущения полёта уже не было, только качало. А если открыть глаза, то ещё и тошнило. И пить хотелось. Где я? И есть ли здесь вода?

– Таня! Ты меня слышишь?

Я открыла глаза и увидела Зиночку Кибрит из любимых «Знакоков». Нет, Зиночка ведь была брюнеткой с короткой стрижкой... А рядом была потрясающе красивая голубоглазая шатенка в милицейской форме.

– Таня, я Нина Петровна, инспектор по делам несовершеннолетних. Ты можешь говорить?

Я попыталась кивнуть, и меня снова замутило.

– Не кивай, вообще головой не шевели, лежи спокойно, лучше шепни тихонько. Что с тобой случилось? Тебя избили?

Я попыталась ответить, но не смогла открыть рот – от жажды в горле жгло, а губы, казалось, склеились намертво.

– Пить... – безголосо выдохнула я.

Нина Петровна взяла стакан, налила в него воды и приподняла мне голову. С трудом разлепив пересохшие губы, я сделала глоток и закашлялась. Инспектор держала мне голову, подождала, когда я прокашляюсь и сделаю ещё пару глотков, и снова спросила, но видя, что я не могу говорить, сказала, что пока переговорит с доктором и зайдёт попозже.

Кровать продолжала качаться, и я заснула. Потом кто-то приходил и уходил, меня тормошили, поворачивали, кололи уколами, кто-то совал в рот ложку с кашей, каша не глоталась, всё качалось, тошнило, и только вода радовала, я пила жадно, захлёбываясь, вода стекала по подбородку, шее и груди, и мне её было мало, хотелось пить и пить... Даже сны стали сниться только про воду: вот я плыву по реке в качающейся лодке, наклоняюсь, чтобы зачерпнуть чистой голубовато-прозрачной воды, и не могут до неё дотянуться... Я вздрогнула, открыла глаза и снова увидела красавицу-милиционера.

– Таня, тебе лучше? Можешь говорить?

Голоса не было, я стала шептать:

– Не арестовывайте меня, пожалуйста! Я не вор! Не воровка... Это не я! Шарили те, кто на меня сказали! Это они, это не я!

– Таня, что ты, никто тебя арестовывать не собирается. – Нина Петровна положила свою тёплую руку мне на плечо. – Я здесь только потому, что доктор сказала – тебя привезли в больницу избитой. И ты должна сказать, что на самом деле произошло. Тебя били? Кто?

– Я не помню.

– Хорошо. Что ты помнишь? – Нина Петровна наклонилась ниже, чтобы мне не нужно было напрягать голос. – Можешь рассказать, с чего всё началось?

– Да. Я не смогла спеть песню, как нужно, и меня выгнали с урока...

– А почему ты не смогла спеть?

– Не знаю. Я вообще не могу петь. У меня не получается. Будто слова в горле застревают...

– Но не всем же быть певицами... И что?

– Учительница очень разозлилась, кричала, сломала указку, стучала по столу... Надомной все смеялись...

– Тебя выгнали с урока, и куда ты пошла?

– Мне было очень грустно... плохо... Я спряталась в раздевалке под полтами и сидела там.

– Ты спряталась под пальто. И что было дальше?

– Я долго сидела... Потом услышала, что там кто-то есть.

– Это был один человек или несколько? Что они делали?

– Я не знаю. Он шарил по карманам. А потом наткнулся на меня...

– Что он сделал тогда?

– Он ощупывал моё лицо.

– Он что-то говорил?

– В это время зажёгся свет и он закричал, что он поймал вора. Или сначала закричал, а потом свет... Я не помню. Но я не шарила! Я не шарила, честное пионерское!.. – из глаз покатались слёзы, они затекали мне в уши и подушка под головой быстро стала мокрой.

Нина Петровна сжала мою руку:

– Таня, я тебе верю. Ты честный человек и не могла шарить по карманам своих товарищей. И ты должна помочь милиции поймать вора. Зажёгся свет... Что дальше?

– Меня вытащили из-под полта и потащили по лестнице... На второй этаж...

– Как тебя тащили?

– Я не помню... Кажется, за волосы... и пинали...

– Так. На твоей школьной форме в самом деле были следы ботинок. Кто тебя тащил? Кто пинал?

– Я не помню... Старшеклассники...

– Что было дальше?

– Директор был в кабинете... Ему сказали, что поймали вора... толкнули меня... я упала, потом встала... Сказали, что вызовут милицию... Потом... я не помню... Всё закружилось и я полетела...

– Таня! Слушай меня внимательно. Я тебе верю. Ты не шарила по карманам. Того, кто шарил, мы обязательно найдём и он будет отвечать по закону. А у тебя сейчас задача – как можно быстрее выздороветь, вернуться домой и жить счастливо. И знай, Татьяна, самое главное, что бы ни творилось вокруг – верить в себя, это придаст тебе силы выстоять про-

тив любой клеветы, против любого недоверия. В жизни часто случается, что сами воры громче всех кричат: «Держите вора», – Нина Петровна ещё раз пожалала мне руку, погладила меня по голове и вдруг достала из сумки яблоко: – Выздоровлявай!

И я начала выздоравливать. Я вдруг заметила, что лежу в палате не одна, стала общаться с другими девочками, начала есть, радовалась, когда приходила бабушка с гостинцами, и вскоре меня выписали из больницы. Через несколько дней предстояло вернуться в школу.

Как ни «нехотелось», но в школу возвращаться пришлось. Я стояла у крыльца школы, как перед эшафотом. Мимо проходили школьники, задевая меня случайно или толкая специально... Уже и ноги замёрзли, и портфель руки оттянул, но входить не хотелось. Но пришлось, а куда деваться... В нос ударил уже забытый, и оттого казавшийся особенно едрёным запах школы: смесь амбре туалета, тушёной капусты из школьной столовой, прокисших половых тряпок техничек и множества человеческих тел...

Повесив пальто в раздевалку, я поспешила в класс и успела как раз со звонком. Одноклассники не обратили на меня особого внимания. Вошла учительница. Стала отмечать присутствующих.

– Тааак... Сергеева появилась. Справку принесла?

Я молча положила справку на стол и вернулась на своё место. И почувствовала, что села на кнопку. За спиной мерзко захихикали. Ну, здравствуй, школа... Чтоб ты сгорела.

Идиотка

– Тааак... Учебники закрыли... Приготовились отвечать... Закрыли учебники, я сказалааа! – Маргарита Ивановна с грохотом захлопнула классный журнал. – Сергеева, встать! Опять в облаках витаешь? К доске!

Класс приготовился к очередному развлечению.

Я встала, одёрнула платье и фартук и двинулась к доске. Только развернулась лицом к классу, как в лоб мне прилетел облюнявленный шарик жёваной бумаги.

– Ну, чего стоим, о чём молчим? Красавица, что тут скажешь! – Маргарита Ивановна с отвращением разглядывала меня, стирающую со лба чьи-то слюни.

Класс радостно ржал. Ещё несколько жёваных шариков попали в цель.

– А ну унялись! – Рывкнула учительница. – Сергеева, какой был вопрос?

Я молчала.

– Повторяю для умственно отсталых: что хотел сказать Александр Сергеевич Пушкин в своём произведении «Мороз и солнце; день чудесный!..» Слушаем тебя внимательноооо!

Я молчала.

– Сергеева, ты почему не отвечаешь? Вопрос слышалааа?

Я кивнула.

– То есть, ты не оглохла, ты онемела?

– Нет, – прошептала я, и новые шарики жёваной бумаги полетели в меня, запутываясь в волосах или скатываясь по фартуку.

– Ответить-то можешь? – Маргарита Ивановна смотрела брезгливо кривя тонкие червеобразные губы. – Я не спрашиваю, слушала ли ты моё объяснение на прошлом уроке, я понимаю, что ты не удостаиваешь меня своим вниманием. Но ты хотя бы читала дома учебник? Там ведь всё понятно написано, даже для таких, как тыыы...

– Я читала. И слушала... Но, Маргарита Ивановна, я не поняла: если Александр Сергеевич что-то хотел сказать в своём произведении, то тогда почему он это не сказал? А если он это не сказал, то как тогда узнали, что именно он хотел сказать?..

– Чтоооо??? – Лицо учительницы перекошилось и стало похоже на свёклу, по которой проехал трактор. – И-ди-о-о-о-ткааа!!! – Она подпрыгнула на месте своим шарообразным телом и, хватая воздух разинутым ртом с золотыми зубами, потрясая над головой сжатым кулаком, затопала короткими кривенькими ножками: – Идиотка! Дебилка! Хамка! Вон из класса!!! Вооон!

Я, забыв про жёваную бумагу, – или это просто обстрел прекратился и все замерли? – смотрела на учительницу, и мне казалось, что та сейчас описается от злости. Даже представилось, как Маргарита Ивановна топчет ножками по большой жёлтой луже, и из-под её полусапожек во все стороны летят искрящиеся на солнце брызги, долетая до сидящих на первых партах... и даже на последних...

Учительница сначала окаменела, заметив улыбку на моём лице, потом подскочила, схватила за шиворот и стала трясти. Голова моя болталась, как у тряпичной куклы, но, несмотря на это, я смеялась и не могла остановиться. Казалось, что моя лохматая башка сейчас оторвётся и покатится по полу меж рядов, продолжая страшно хохотать...

И тут прозвенел звонок. Все сразу кинулись из класса. Учительница выпустила меня из рук и, брезгливо держа растопыренные пальцы наотлёт, тоже двинулась из класса. Оставшись одна, я машинально собрала портфель, попыталась поправить полуоторванный воротничок, но он не поправлялся, его пришлось доотрывать и сунуть в портфель Я, стараясь не попадаться на глаза учителям и одноклассникам, добралась до раздевалки, чтобы дождаться, когда закончится перемена, тогда можно будет найти своё пальто и сбежать домой. Просто уже не осталось сил, чтобы пережить следующий урок...

А через неделю было задано выучить и рассказать наизусть отрывок из поэмы Лермонтова «Мцыри» о поединке с барсом...

Маргарита Ивановна вызывала по журналу в алфавитном порядке, слушала, ставила оценку и называла следующую фамилию...

Я с раннего детства очень любила поэзию Лермонтова. И заданный отрывок выучила с радостью. Вот сейчас я прочитаю его и получу заслуженную пятёрку! По такому случаю я даже поменяла потёртую обертку на дневнике на новенькую, из гладенькой кальки.

Едва прозвучала моя фамилия, я радостно вскочила с места, набрала воздуха и громко произнесла:

– Я ждал...

И в этот же миг, не дав сделать задуманную автором и благословлённую Богом паузу, меня прервал злорадный возглас:

– Нууу? Мы тоже ждём-с! И, как я понимаю, не дождёмся продолжения!

Раздалось привычное ржание класса.

Я растерянно замолчала.

– Садииись, Сергеева! Единица! Учить надо былооо!

– Я выучила!

– Ну так продолжаай тогда! Два первых слова мы уже слышали, а дальше-то чтооо?

Горло от обиды сдавило так, что стало невозможно сказать ни слова, я махнула рукой на долгожданную пятёрку, и села, глядя, как учительница с видимым удовольствием ставит в журнал единицу.

Постскрипtum. Не станет гадкий утёнок лебедем. Только уткой...

(Послесловие, что ли...)

Второй отчим меня тоже особо не обижал, даже велосипед мне собрал из найденных на помойке частей – летал не хуже покупного, и мы с отчимом ездили на велосипедах за грибами и на гороховое поле. Потом у них с матерью родился Андрюша и у меня стало три брата. Он был слабеньким, и мать никого к нему не подпускала, дышать на него боялась. Поэтому с ним поводитьсь мне не пришлось, да и другие интересы появились: отмотав восьмилетний срок школьного заключения, я вырвалась из ненавистного казённого дома на свободу. Поступила в техникум, чтобы получить среднее образование. Выбранная специальность мне не нравилась, но это был другой мир. Вместо окриков и издёвок школьных учителей – человеческое обращение преподавателей, называвших студентов только на «Вы» и по имени, чистые аудитории и туалеты с кабинками, совершенно другой культурный уровень. Будто на другую планету попала. Не сразу, но научилась красиво причёсываться, опрятно выглядеть. С одеждой, правда, было очень тяжело, но выкручивалась, из разного старья что-то перешивала, комбинировала, бабушка помогала советом и делом. На стипендию покупала себе обувь. Ещё крутилась, как могла: разносила почту, подрабатывала в магазине, в ресторане, собирала лекарственные травы и продолжала сдавать бутылки – однажды в лесу набрела на яму со строительным мусором, там было больше сотни бутылок из-под краски и олифы, так я их отмыла!!! Но какого труда мне это стоило! И сдала. Самостоятельно научилась печатать на машинке (отчим приволок с любимой помойки, старую, ещё с буквой «ять», но рабочую), подрабатывала машинописью. Просто не хотелось просить деньги у матери. Да и не дала бы – у неё же три сына, их надо накормить-одеть-обуть... А денег мне надо было много – я покупала аквариумных рыбок (правда, я их разводила и продавала, тоже деньги), хотела красиво одеваться и путешествовать. Так было приятно заработать денежку и купить себе всё, что хочется. В техникуме знали только о подработке машинописью и преподаватели меня уважали за трудолюбие и даже подкидывали работу. Неожиданно я почувствовала, что я не хуже других студенток, и ко мне относились по-человечески, я готовила рефераты, доклады, политинформации, даже участвовала в самодеятельности и различных конкурсах. Правда, петь всё равно не могла. Но

ощутила себя человеком. На меня стали обращать внимание юноши. Бабушка была мне лучшей подругой – я ей рассказывала о своих первых поклонниках и своих симпатиях. Впрочем, сильно я не увлекалась – больше думала об учёбе, много читала, самостоятельно учила итальянский язык, путешествовала (тогда на мою стипендию можно было купить авиабилет до Сочи). Всё было чудесно, я почти не вспоминала своё унылое детство, поняла, что всё-таки хороша собой – миниатюрная, тоненькая, с золотистыми локонами ниже пояса и задумчивыми голубыми глазками. Писались романтические и роковые стихи – об одиночестве, о душевной тоске, усталости от жизни, о том, что всё хорошее уже прошло... Читала их бабушке, она слушала, вздыхала, что-то подсказывала...

Мать проявляла какую-то заботу, но как по приговору народного суда, лишь бы люди не осудили, не подумали, что она плохая мать. Я уже понимала, что нельзя любить ребёнка от нелюбимого мужа, и думала, что у меня будет всё не так, что я если замуж и выйду, то только по большой взаимной любви. За что я очень благодарна матери, она для меня брала на работе путёвки в санатории, я могла поправить своё чахлае здоровье и мир посмотреть. В одной такой поездке и познакомилась с Ним. Мне было семнадцать с половиной, Ему – сорок два. У Него были две дочери – пятнадцати и девяти лет. Он – высокий, красивый, верный муж, заботливый отец и замдиректора большого предприятия. Мы гуляли тёмными сочинскими ночами по берегу моря и горным тропам, разговаривали и читали стихи. Не было у нас никакого сексу и не могло быть. Зато, когда он уехал домой, у меня будто сердце вырвали без наркоза. Я заболела не только душой, но и физически. Не могла есть, спать, дышать, давление упало, меня еле откачал молодой красивый главврач, кормил с ложечки и звал замуж. Не пошла, конечно. Вернулась домой, доучилась, защитила диплом. На выпускном вечере ревела, как медведь – не хотелось расставаться с техникумом. Потом стала работать. Стихи писались про безнадежную и вечную любовь. Хотелось стать великим поэтом, чтобы Он видел меня по телевизору и читал мои книги. Училась технике стихосложения, читала книги по теории и литературных критиков... Мечтала поступить в литературный институт, послала рукопись на предварительный творческий конкурс, её вернули с отзывом: «Ваша рукопись нас не заинтересовала. Советуем Вам не бросать писать, развиваться творчески, совершенствовать навыки и больше читать классиков» – вернули, даже не прочитав, точно знаю: я в нескольких местах специально аккуратно-незаметно склеила листочки, и поняла, что мою рукопись даже не листали. Как чувствовала, что не прочитают – наверно, набрали нужное количество, и всё. Было обидно. Хотя, не думаю, что там было что-то эксклюзивно-гениальное – так, юношеская писанина, которой завалены все приёмные комиссии. Стала поступать на журфак, благо газетных публикаций на разные темы было предостаточно, рекомендации от горкомов КПСС и ВЛКСМ и от редакции районной газеты тоже были. Сочинение написала на отлично. Оставалась история, я её тоже неплохо знала. Взяла билет, подготовилась, ответила. Вдруг дополнительный вопрос – я чуть с ума не сошла: назвать ВСЕ населённые пункты на Урале, охваченные восстанием Пугачева! Такого абсурда я и ждать не могла. Переспросила – нет, не ослышалась. Ну, сказала, что могла, а экзаменатор говорит: слабо

знаете материал. И ставит тройку. Выползла я в коридор, стою, не знаю, как дальше жить. Ясно, что не поступлю теперь. А этот урод вышел за мной и говорит: «Я могу предоставить Вам возможность сделать ещё одну попытку в следующем потоке, но мне надо лично убедиться, что Вы знаете предмет на «четвёрку», проверить Вашу подготовку. Завтра во второй половине дня подойдите на кафедру...», а сам смотрит похабно, будто липкие лапы мне под одежду запустил и шарит там ими... Дряблый, потный, самоуверенный до тошноты вершитель судеб... Я и ответит ничего не смогла, выскочила на улицу, и бежать. Ощущение было – словно в деревенский сортир с головой провалилась. Сразу рванула на вокзал и уехала домой. Год проработала, решила снова попытаться поступить. В то время уже замуж собиралась, будущий муж знал о моём предыдущем поступлении, сказал, чтобы всё равно подавала документы – может, на этот раз там того уroda не будет. Я поехала подавать документы, дошла до двери и повернула обратно. Просто силы воли не хватило на вторую попытку. Решила, что не судьба мне иметь журналистское образование.

Вышла замуж, родила дочь, получила вторую интересную и нужную специальность, работала, читала, писала... Вот и первая книжка вышла... За неё я даже получила гонорар от дамы-спонсора и купила на него изящные кожаные сапожки. Подарила свежееотпечатанную книжку бабушке. Она не могла на неё налюбоваться, очень мной гордилась. Мать же сделала вид, что ничего не заметила, подумаешь – книжка... Когда-то она и сама пыталась писать стихи, но так и не решилась их кому-то показывать. Потом, в гневе, она мне скажет: «Ты даже стихи писать стала мне назло, чтобы меня унижить! Дескать, твои стихи печатаются, а мои никому не нужны!» Но мне бы такое и в голову не пришло, писала – да просто потому, что писались стихи, вот и всё.

...Презентацию моей второй книжки стихов проводили уже на городском уровне, в здании администрации, об этом было заранее объявлено в газетах и по местному телевидению. И за несколько дней до неё я случайно, проходя мимо автобусной остановки, встретила с Маргаритой Ивановной. Точнее, она сама меня окликнула, иначе я бы так и пробежала мимо, задумавшись.

– Татьяна!

Я обернулась и увидела, как она спешила ко мне, семена своими короткими ножками. Постаревшая, похудевшая, теперь похожая на уже сдвинувшийся шарик, брошенный после демонстрации.

– Татьяна, здравствуйте!

– Здравствуйтесь, Маргарита Ивановна.

– Вы меня помните? Даже не забыли, как меня зовут! Мне очень, очень приятно, – говорила она, а у меня было какое-то ощущение нереальности происходящего. – Жаль, конечно, что я учила ваш класс всего два года... Но я уже тогда отмечала Ваши способности, Татьяна! У Вас уже вторая книга вышла, поздравляю Вас от всей души! Вы меня пригласите на презентацию? – улыбалась она заискивающе.

А мне снова, как в детстве, представлялось, что у неё под ножками растекается жёлтая лужица, как бывает иногда у собак – например, когда псинка так бурно радуется приходу с работы хозяина, что аж вся извивается в экстазе и писается от радости.

Сладенько улыбающаяся Маргарита Ивановна ждала от меня приглашения – я не знаю, то ли она и впрямь забыла, как раньше ненавидела и презирала меня, ну, мало ли – деменция у человека случилась, хотя узнала же в лицо, и по имени назвала... То ли просто ей хотелось «сладко покушать на халявку» на презентации, как-никак, шли «лихие девяностые», с деньгами и продуктами было сложновато...

Но не смогла я её пригласить. Может быть, я поступила плохо, может быть, надо было попытаться себя пересилить... Ведь я была уже не та забитая шестиклашка в ботах не по размеру и мятой форме со следами пинков, я стала взрослой женщиной. Но, во-первых, я просто не выношу лицемерия: она ведь начала бы всем рассказывать, как она «помогала развиваться моему таланту», как «способствовала становлению»... «стояла у истоков»... и так далее... А, во-вторых, зная, что Маргарита Ивановна присутствует на презентации моей книги, стоя на сцене актового зала городской администрации, я бы снова по привычке сжималась от ужаса в ожидании её окриков и ждала, что мне в лицо полетят шарики жёванной бумаги...

Она что-то говорила и улыбалась, а я, глядя ей в глаза, сказала:

– Маргарита Ивановна, не надо...

Повернулась и пошла.

Видно, детские обиды – самые сильные, детская память – самая длинная. Вот почему мать называла меня «папашкиным отродьем»? Ведь не я же ей мужа выбирала, а она мне – отца. О чём думала? Братъев-то она любила, а меня терпела да морщилась, видно, я ей бывшего мужа напоминала. А что делать, ведь не скажешь: «Мама, роди меня обратно!»

Однажды видела по телевизору передачу о вундеркиндах, в ней рассказывали о девочке, у которой первая книга стихов вышла в десять лет. Но неужели люди не понимают, что это заслуга не ребёнка, а взрослых, которые этим ребёнком занимались, развивали талант, сделали ей сборник стихов, прославили девочку (не будем говорить сейчас, что далеко не всегда «испытание славой» идёт ребёнку на пользу, что большинство вундеркиндов в дальнейшем несчастливы). И так мне вдруг стало обидно за своё детство. Меня не хотели учить музыке, не учили грамотно складывать слова в стихи, не учили даже, как себя вести в коллективе, как общаться, я до всего доходила самоучком, изобретала велосипед и набивала шишки, читала что попало. Хватала обрывки знаний, соединяла их в какое-то «лоскутное одеяло эрудиции»... И до сих пор я сожалею об этом, думаю, что моя жизнь могла бы сложиться более счастливо и удачно, если бы мне в детстве повезло с учителями. Нет, я, конечно, пишу без ошибок, могу поддерживать беседу и пользоваться столовыми приборами, не надену фиолетовое пальто с оранжевым шарфом и малиновыми сапогами, но это всё – внешнее благополучие. А в глубине души так и сидит занозой: «У, папашкино отродье, ублюдок!..»

Но я понимаю, что надо бороться с комплексами и отпускать обиды, и надеюсь, что смогу, наконец, общаться со своей пожилой матерью без комка в горле, забыв своё детство, как плохой сон.

Лишь бы все были здоровы!..

Пост постскриптум. Как в «Трёх мушкетёрах» – «Двадцать лет спустя...»

(Через сорок лет от начала описываемых событий)

Я много думала, и поняла, что с возрастом я очень поумнела (ну, насколько уж смогла, и по сравнению с первоначальным уровнем). По крайней мере, больше никому не позволю вытирать об меня ноги. Потому муж у меня в телефоне теперь записан как «Муж Бывший», вычеркнут из жизни как мужчина, и остался для меня только как отец дочери и дед внуков. Да-да, я – бабка! И очень этому рада. У меня замечательные дочь и зять, чудесные внук и внучка. Плюс к этому – любимая работа, проверенные временем и жизненными невзгодами друзья и, конечно, огромная любовь. Да, естественно, далеко не всё гладко, но уже намного лучше, чем было. Благодаря Нине Петровне, вышедшей в отставку в звании подполковника и, несмотря на почтенный возраст, оставшейся такой же стройной, красивой и энергичной, как сорок лет назад, я научилась верить в себя. В самые чёрные дни я вспоминаю её слова: «И знай, Татьяна, самое главное, что бы ни творилось вокруг – верить в себя, это придаст тебе силы выстоять против любой клеветы, против любого недоверия».

И другие слова: «E non mollare mai! Non sei sola. Sarò sempre con te» – «Никогда не сдавайся! Ты не одна. Я всегда буду с тобой!»

И ещё: «Тебе Господь многое дал. Ты видишь, ты чувствуешь, ты талантлива – работай, и всё у тебя получится».

И ещё: «Ты лучшая в мире бабушка!»

И ещё: «Девчошка!.. Какая ж ты девчошка...» – плюс такой взгляд, который не описать словами, но который говорит намного больше любых слов.

А с детской обидой на маму я справилась: я просто поняла, что люди разные. Каждый может поделиться лишь тем, что имеет, нельзя требовать от людей больше того, на что они способны, и нельзя требовать, чтобы они соответствовали нашим ожиданиям от них. Поэтому я о ней забочусь, поддерживаю её и стараюсь, чтобы она ни в чем не нуждалась и не чувствовала себя одинокой.

Если не тащить за собой через всю жизнь тяжесть детских обид, то идти по жизни будет намного легче.

* * *

Я люблю самолёты, для меня они – как предчувствие праздника, радости встречи с дорогими людьми. Ночью в них скользишь по чёрно-звёздному небу, все вокруг спят, а мне очень хорошо думается. Но самое чудесное ощущение – когда ранним утром лайнер взлетает навстречу рассвету. Вот как сейчас – разбег, отрыв от полосы, меня вжимает в кресло, и сами собой всплывают в памяти строчки:

Я ждал... И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой

Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Серdito лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёт,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!..

И пока самолёт набирал высоту, поэма «Мцыри» прокрутилась в памяти вся, до последней точки... А ведь сорок лет прошло! Эх, Маргарита Ивановна!.. Как жаль, что Вы не дали мне – всего-то! – выдержать эту необходимую секундную паузу в самом начале и прочесть отрывок до конца! Это было очень важно для меня. Возможно, и для Вас тоже. Но я прощаю Вас. И ту глупенькую учительницу пения, не помню её имени, тоже прощаю. Может быть, – если доживу, конечно, – прощу даже тех карманников из раздевалки, из-за которых я пережила весь ужас незаслуженного унижения... И тех, кто пинал и плевал в меня – так же естественно, как дышал... Не ради них, ради себя. Не хочу больше носить в душе эти шершавые шлакоблоки обид.

В иллюминаторе – солнце в ослепительно-синем небе и ангельски-белые облака под крылом...

Господи, пусть и меня простят те, кого я обидела вольно или невольно, как я сейчас прощаю тех, кто обидел меня!